

Леонид ФИЛАТОВ:

Таганка осталась на месте, а время ушло

Комс. правда - 1993 - № 16

с. 8

Если у прохожих на улице начать спрашивать, знают ли они Леонида Филатова, то люди наверняка ответят: конечно! Только вот ответы будут самые разные. Киноартист. Актер Театра на Таганке. Режиссер. Литературный пародист. Сказочник. А кто-то, быть может, и вспомнит, что стихи Филатова печатались когда-то в «Комсомольской правде»...

— Что же все-таки из вышперечисленного вы считаете главным?

— Сказать обо мне — поэт, было бы неправильно. Режиссер — тем более, я снял всего одну картину. Сказочник? Да это вообще смешно. Когда на творческих встречах мне из зала кричат: сказку давай, я даже не имею возможности задать публике встречный роскошный вопрос: «Какую изволите?». Она у меня всего одна. Тем более сказка меня задавила. Население своевольно распорядилось, сказку — и все, остальное вроде как и не интересно, а я хочу настоять на другом.

— В 17 лет вы приехали «покорять Москву», но поступили не на режиссерский факультет ВГИКа, о котором мечтали, а в Театральное училище имени Щукина. Компромисс?

— Во ВГИК просто не мог сдавать экзамены — они были в августе, а приехал я в середине июня. Провинциального нахальства у меня было с избытком, я с собой даже ни одной книжки не привез, настолько был уверен в себе. В дни вступительных экзаменов ходил на один из первых московских кинофестивалей. Экзамены сдавал вечером и даже не предполагал, какие страсти здесь бушуют, какие катастрофы происходят на этой улице каждый день: к вечеру в коридорах уже пусто — человек 30—40 сидело. Я думал: вот, говорят, знаменитый институт, а вроде никто и не поступает. Только на следующий год, будучи второкурсником, понял, что происходит на самом деле. С утра улица Вахтангова была заполнена абитуриентами. Видел бы я год назад эту картину, может быть, у меня и отваги бы для поступления не хватило. Я ведь был полным прохвостом — навыков, опыта да и желания стать артистом особого не было. Играл, конечно, в школе Чиполин и Буратин...

— Правда, что на вступительных экзаменах в Щукинское вы вместо обязательных стихотворений читали свои собственные?

— Тогда я безумно стеснялся и обманывал, по существу, всех. Причем обман был довольно дерзкий. Я думал, раз меня печатают, то спокойно могу называться любой фамилией и читать свое. Причем ладно, выдумывал бы из бабки нечто неизвестное, но я же знаменитые фамилии брал. В училище писал пьесы,

«Почему на сцену должен выходить актер с моими усами, носом и скулами и говорить: «Я — Мастер»? Нескромно и неловко».

но назывался Артуром Миллером.

Рассекретили меня лишь на третьем курсе, да и то случайно. Написал пьесу «Судебный процесс», ее поставили. Наш тогдашний ректор Борис Евгеньевич Захавя пьесу похвалил, сказав, что, когда выбирается хорошая драматургия, актерам и играть легко. После этого встал мой друг и, задыхаясь от счастья, сказал: «А вообще-то эту пьесу Ленья Филатов написал». Ректор побагровел и очень обиделся...

— Закончив театральное училище, вы оказались в Театре на Таганке. Не боялись ли затеряться на вторых ролях?

— Кроме Таганки, приглашали еще в два театра, причем не самые плохие, но туда я даже не ходил. В тогдашней Таганке мне нравилась простая сцена, демократическая эстетика, отсутствие нарядов. Театр существовал еще всего пять лет, а Любимов и актеры уже считались живыми классиками...

Честно говоря, многие педагоги меня отговаривали. Говорили: зачем ты идешь в какой-то индустриальный театр, где странная хореография, актеры стараются друг друга перекричать, шум, грохот...

Прекрасно понимал, что на Таганке меня ждет бесславие, что, в общем, и было долгое время. Проработав на подхвате года полтора, собрался бежать. Звал к себе Аркадий Райкин. Но как только собрался уходить всерьез — получил интересные роли, подошло кино.

— С Юрием Петровичем Любимовым у вас всегда были не самые теплые отношения. Однако он не раз предлагал вам главные роли: Мастера у Булгакова, Раскольникова в «Преступлении и наказании», Самозванца в «Борисе Годунове». Вы от них сами отказывались. Почему?

— Роль Раскольникова не мог репетировать из-за операции на голосовых связках. А потом показалось неловко расталкивать всех локтями, не такой я человек. От роли Самозванца отказался из-за кино. Сергей Соловьев срочно вызвал меня в Колумбию,

предложив сняться в фильме «Избранные». К тому же понял, что с моим слухом роль Самозванца мне не спеть.

А о Мастере... Играть ведь его невозможно — это же облако духовности. Почему на сцену должен выходить актер с моими усами, носом и скулами и говорить: «Я — Мастер»? Нескромно и неловко. Вот если бы эту роль сыграл сам Юрий Петрович... А он считал, что я просто ленился.

— Сейчас Таганку раздрают конфликты. Режиссера и актеров больше беспокоят не творческие, а имущественные проблемы. Что же, на ваш взгляд, произошло?

— Просто сменился контекст времени. Нельзя же бесконечно изображать из себя фрондеров. Все поменялось в стране. Вор в почете, работа плох. Культура вообще никому оказалась не нужна. Таганка выросла и встала на ноги под другими знаменами. Оставаться на одном месте нельзя. Актеры постарели, у каждого возникли свои амбиции и взгляды на жизнь. Видимо, подустал и изменился и сам Любимов...

На сегодняшний день ситуация вокруг Таганки перешла все этические границы и этот театр уже не может украсит ничью актерскую репутацию. Отблеска благородства и романтизма давно нет. Таганка разрушена художественным руководителем и теми людьми, которые за ним пошли.

— Во всех интервью своим дебюту в кино вы называли главную роль в фильме Константина Худякова «Иванцов, Петров, Сидоров», но вы же снимались и до нее?

— Помните картину «Город первой любви»? Картина, может быть, замечательная, но когда я первый раз увидел в ней на экране себя...

Свою морду величиной в двухэтажный дом я до этого не видел. Вся асимметричная, ужасная. Был страшный шок, и тогда я твердо решил, что сниматься в кино мне никогда не суждено.

— Почему вы не любите говорить о Владимире Высоцком, лишь однажды упомянув его со словами благодарности за то, что он много во-

зился с вами, тогда еще молодым человеком и начинающим актером?

— О Владимире сейчас так много брехни! Брехни благородной, с которой не хочется спорить. Просто пена мифологии вокруг его имени когда-то неизбежно схлынет. Напишут люди, которые наблюдали его долго, в том числе и в минуты несчастий. Я был ему не самый близкий человек, были люди и ближе. Если их не возмущает тот романтический ореол, который вокруг него сложился, значит, так и должно быть.

— А вы не вели тогда дневник?

— Нет, и жалею. Когда что-то вспоминаешь через годы, то тот юношеский мир описывает другой человек — пожилой, уставший, невеселый. Сейчас понимаю, что ничего дороже дневника быть не может.

— Вы приступили к съемке нового фильма. О чем он будет?

— Сценарий напечатан в моей книге «Сукины дети». Называется он «Свобода или смерть». Это будет притча, сделанная в жанре трагикомедии. Речь пойдет о диссиденте, которому на закате брежневской эпохи удалось выехать в Париж. Согласились сниматься Инна Чурикова, Николай Губенко, Нина Гребешкова, Владимир Ильин...

— Что больше всего беспокоит вас в отечественном кинематографе?

— В нашей стране все происходит довольно диковато. Мой сын учится на втором курсе режиссерского отделения ВГИКа. Прозвучит это дико, но будущим режиссерам, если у них нет личных денег, не дают в руки камеру. Часто они не могут снять даже курсовку, а о дипломе и говорить нечего. Будущих режиссеров учат снимать кино только теоретически, а профессии кинорежиссера вприглядку не научившись.

Есть профессии, в которых государство просто обязано помочь. Так что грядет вырождение кадров.

— В какой квартире вы живете?

— С женой Ниной Шадконой живем в однокомнатной квартире. Причем деньги на нее сумел накопить только к сорока годам. На большую я уже никогда не заработаю. Кстати, у нас старенький «жигуленок», который давным-давно свое отбыл. В кино езжу часто, а в жизни могу проехать за рулем только по прямой. Машину водит моя жена.

— За то время, пока мы беседуем, вы уже выкурили пачку сигарет. Сколько выкуриваете за день?

— Три пачки в день как минимум. На репетициях в перерывах бегаю покурить за кулисы. Причем предпочитаю нашу «Яву», старые курильщики уже не гурманы...

Беседовал
Алексей БЕЛЫЙ.